

М.Б.Щукин, О.В.Шаров

К ПРОБЛЕМЕ ФИНАЛА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

M.B. Shchukin, O.V. Sharov. On the Problem of the End of Cherniakhov Culture.

The main ideas of this paper are the following:

1. We are compelled to reject the traditional understanding of stages and phases of relative chronology as a range of certain "squares" or "rectangles", which subsequently replace each other over time, no matter whether it is general European chronological system or internal division of Cherniakhov culture. Such "square approach" will inevitably cause contradictions and discrepancies. While calculating absolute dates, it always happens that typologically alternating stages widely superimpose and co-exist practically in parallel.

2. A solution of this paradoxical situation, as we see it, is just one: we must change the very "paradigm" of our chronological thinking and see our stages and phases as some certain "rhombuses". Then they will be to some extent superimposing, and will follow each other at the points of maximum width.

3. With such "rhombic approach" the Cherniakhov culture does not stop existing unexpectedly by 375, which was taken, by the way, as a premise by many researchers when estimating the European system; rather, a number of Cherniakhov cemeteries and settlements, while gradually "fading away", went on further functioning, up to the middle of V c. It complies also with the historical situation: part of Ostrogoths remained in their places of habitation till the battle of Nedao in 455.

С точки зрения истории конец черняховской культуры достаточно ясен, и проблемы не существует. Если мы примем априори, что этот археологический феномен, в общем и целом, соответствует тому политическому образованию, по всей вероятности полиэтничному, которое было создано готами в Северном Причерноморье и Нижнем Подунавье в III в. н.э., а на заключительном этапе государствам или государству Германариха и Атанариха, то судьба его нам достаточно хорошо известна.

Где-то между 369 и 376 г. (обычно называют 375 г.) произошло нашествие гуннов, Германарих погиб, Атанарих был разбит, и массы готов пересекли Дунай, чтобы поселиться на территории Империи (Iord. Get. 123-133; Amm. Marc. XXXI). Начались их многолетние блуждания по Южной Европе. Часть остготов Германариха осталась на своих местах в Причерноморье под властью гуннов (Iord. Get. 246), которые в 20-30-х годах V века (а точнее, в 433 году) расширили пределы своих владений до Паннонии, куда и была перенесена ставка их правителя Аттилы. После его смерти и разгрома гуннов при Недао в 455 г. мы находим владения наследников Германариха, трех братьев — Тудимира, Видимира и Валамира — уже в поречье Савы и среднего течения Дуная (Iord. Get. 264, 268). Археологические материалы должны были бы соответствовать этой схеме и иллюстрировать ее. Конец основной массы памятников черняховской культуры должен приходиться на 376 г., некоторые могли существовать до 20-30-х или 50-х годов V века, а на Среднем Дунае и в Южной

Европе мы должны обнаружить некоторые черняховские элементы.

Мы знаем, однако, сколь рискованны датировки археологических материалов на исторических основаниях. Археологи уже не раз ошибались, используя этот метод. Вспомним для примера хотя бы случай с датировкой кельтского оппидума Манхинг в Баварии. Здесь тоже все казалось кристально ясным: в 15 г. до н.э. римляне оккупировали Рецию и Норик, тогда ими же и был разрушен оппидум. Его материалы служили одной из важнейших опорных точек хронологической системы Латена. Но затем стали накапливаться неувязки и противоречия, дату гибели Манхинга пришлось снизить до 60-х годов I в. до н.э., а разрушениям искать иные исторические причины (Godłowski 1977: 58-63; Shchukin 1989: 18-29; Щукин 1994: 38-44).

Политические события истории и перемены в материальной культуре, изучаемые археологами, лежат в разных сферах и далеко не всегда полностью соответствуют друг другу (Щукин 1991). Историческая схема и в нашем случае должна быть проверена археологическими данными, мы должны выявить степень их соответствия. Задача становится, таким образом, хронологической: когда кончается черняховская культура, если исходить сугубо из археологических данных?

С того времени, как прозвучали доклады на III Международном конгрессе славянской археологии 1975 г. в Братиславе и на конференции 1976 г. «Проблемы раннесредневековой хронологии» в Эрмитаже, а также вышли в свет соот-

ветствующие публикации этих докладов (Щукин 1980; Щукин 1979), где стоящая ныне перед нами проблема уже обсуждалась, уткло достаточно много воды. Что же изменилось? Появились ли новые материалы, как-то проясняющие проблему? Численно материалы, безусловно, возросли, и о некоторых речь еще пойдет ниже, но изменилось ли что-нибудь по сути?

За последние годы целый ряд исследователей неоднократно обращался к проблеме датировки черняховской культуры по двум поводам. Во-первых, при попытках модификации и улучшения европейской хронологической системы, во-вторых, в связи с разработками относительной хронологии самой черняховской культуры. Это несколько облегчает сейчас нашу задачу.

Корреляционным методом уже так или иначе выделены наипозднейшие комплексы и группы черняховской культуры, и мы можем их рассматривать специально, выясняя, чем обеспечена их абсолютная датировка.

Начнем с известной работы М.Казанского и Р.Легу (Kazanski, Legoux 1988), которым удалось на примере черняховской культуры подразделить ступень D европейской хронологии на три фазы: D_{1a}, D_{1b} и D₂. Нас сейчас будет больше интересовать лишь последняя.

Нужно сказать, что с точки зрения чистоты корреляционного метода, здесь, как и в предшествующей попытке его применения для могильника Данчены (Щукин, Щербакова 1986), есть ряд нарушений процедуры его использования: метод находился еще в стадии становления. Так, М.Казанский и Р.Легу включили в последнюю фазу D₂ ряд вещей уникальных, встречающихся лишь один раз или лишь в одном из обрабатываемых комплексов, например, в Качинском кладе, в погребении в Борохтанской Ольшанке и др.

Если подойти к процедуре корреляции более строго, то в группе останется значительно меньше вещей или, как мы их называем, «хронологических индикаторов» (ХИ). Это будут только стеклянные кубки (ХИ-74), три типа глиняных кувшинов (ХИ-75, 76 и 77), амфоры (ХИ-82,83), пряжки (ХИ-80). Остальное придется из корреляции убрать. Зато от предыдущих фаз в D₂ сохраняется еще ряд типов: 59, 61, 64, 66, 68, 69 — от фазы D_{1b} и 46, 49, 51 — от фазы D_{1a}.

Авторы датировали свою фазу D₂ последней третью IV — первой половиной V века (Kazanski, Legoux 1988: 37), и с ними можно было бы согласиться, однако ранняя хронологическая граница в данном случае сугубо условна и интуитивна. В качестве хронологических индикаторов фазы включены в группу монеты Константина (305-337 гг.), Констанция II (337-361 гг.) и Грациана (367-383 гг.); последняя представлена как хронологический индикатор и фазы D_{1a} (Kazanski, Legoux 1988: Pl. III,47; Pl. V,70,71,85), а следовательно, при формальном подходе, все

три фазы в пределах этих дат перекрывают друг друга и нижняя дата фазы D₂ может достаточно свободно «плавать» во всем интервале бытования этих монет и их t.p.q.

Что касается верхней хронологической границы, то бытование вещей, попавших в кластер D₂ (а Качинский клад, Борохтанскую Ольшанку, погребение из Киева, Мирокани и др. мы вынуждены выкинуть для чистоты эксперимента), базируется лишь на датировке керамических кувшинов типа Чистилов (ХИ-75), которые В.В.Кропоткин сопоставлял с серебряными сосудами из Петроссы, Концешт, Суджи и из склепов Госпитальной улицы в Керчи, считая их комплексами V в. (Кропоткин 1973: 240-243), а также на амфоре из «постготского дома» в Тире (ХИ-82), сопоставляемой с крымским типом Харакс.

В корреляционной таблице А.И.Айбабина (1984: рис.1), на которого ссылаются авторы, эти амфоры (Айбабин 1984: признак = ХИ 31, рис.5, 21) действительно попадают в кластер-группу, датированную им 400-450 гг. Однако, если посмотреть на комплексы, опорные для абсолютной датировки этого кластера, на комплексы с монетами, окажется, что спектр их более узкий и лежит в интервале 364-394 гг. Только халцедоновые навершия мечей (ХИ-29) действительно встречаются на западе с монетами 408-450 гг. (Werner 1956), хотя в Причерноморье они известны еще со II в.н.э. (Мошкова 1989: 196).

Таким образом, принятая А.И.Айбабиным датировка возможна, но надежнее обеспечена более ранняя, конца IV — начала V в. У Айбабина не было сомнений, что комплексы Госпитальной улицы и аналогичные им относятся к первой половине V в., он это повторяет неоднократно. У нас такие сомнения есть (Бажан, Щукин 1990; Shchukin, Bazhan 1994: 235), но о них чуть позже.

А пока обратимся к попытке установить относительную хронологию черняховской культуры Е.Л.Гороховским (1988). Опубликована, к сожалению, лишь итоговая и сильно урезанная часть его работы, основная аргументация и конкретные разработки остались за бортом, в частности, очень сжато изложена новая типология фибул и пряжек, нет корреляционной таблицы.

В целом черняховская культура подразделилась на 5 фаз, самую позднюю из которых, «Журовскую», автор относит к последней четверти IV — первой трети V вв., с 375/380 гг. по 420/430 гг. Обоснование такой даты — синхронизация со ступенью D₁ Ярослава Тейрала, о которой у нас еще пойдет речь впереди. Примечательно, что памятники этой фазы, по данным Е.Л.Гороховского, распространены по всему ареалу черняховской культуры (Гороховский 1988: 45-46).

Попытка создания относительной хронологии черняховской культуры была предпринята

также И.А.Бажаном и О.А.Гей (1992). Корреляционным методом было обработано 7 крупнейших могильников Северного Причерноморья — Ружичанка, Косаново, Данчены, Гавриловка, Оселивка, Журовка, Каменка и Каборга. Последние два объединены в единый «южный блок». На каждом могильнике выделено ряд фаз эволюции, от трех-четырёх до шести. Затем фазы были синхронизированы, и для черняховской культуры в целом определилось их шесть. Последняя, шестая, представлена в Гавриловке, Журовке и Косаново. Хронологическими индикаторами, синхронизирующими поздние фазы их, являются двупластинчатые фибулы, поздние варианты *Bügelknopffibeln*, пряжки в виде калачика с загнутым язычком (Бажан, Гей 1992: Рис.3; Рис.5,III-IV; Рис.13; Рис. 15,III-IV; Рис. 17, I; Рис. 18,III-IV; Рис. 22. с.153).

Авторы, однако, практически не занимались абсолютной хронологией своих фаз. Касательно шестой лишь указали на синхронность с ранней частью ступени D европейской системы К.Годловского 1970 г. и отнесли ее к 370-400 гг. (Бажан, Гей 1992: 154). Абсолютные даты, как видим, тоже интуитивны, поскольку у Годловского для ступени D указана дата 350-450 гг. (Godłowski 1970: 108-109).

На трех крупных могильниках (Ружичанка, Данчены, Косаново), рассмотренных О.В.Шаровым (1992), наипозднейшие погребения черняховской культуры, очевидно, не представлены, здесь нет, в частности, двупластинчатых фибул.

В определении абсолютных дат О.В.Шаров пошел дальше, чем И.А.Бажан и О.А.Гей: в таблицах приведены находки монет, с которыми в других комплексах сочетаются вещи, в частности, глиняные сосуды, аналогичные включенным в корреляцию. Для III поздней фазы Косановского могильника их спектр лежит от 305 до 367-383 гг. с пиком на монеты 347-348 гг. (Шаров 1992: Табл. IV,III; Табл. V). Автор датировал эту фазу 350-375 гг., как и IV фазу могильника Данчены (Шаров 1992: Табл. II,IV; Табл. III), отметив, однако, в последнем случае, что аналогии фибулам, подвязным, из широкой пластинки (XI-9), сочетаются как с монетами 305-311 гг., 361-363 гг., так и с монетой 401 года.

В целом же заключительный общий 4-й горизонт рассмотренных могильников был отнесен к 350-380 гг. и в общеевропейской системе обозначен как C_3/D (Шаров 1992: табл. IX-X).

Достаточно много относительной хронологией черняховских могильников занимался также И.Ионица, используя главным образом метод горизонтальной стратиграфии (Ioniță 1986). Его наблюдения тоже интересны, но абсолютная хронология им практически не рассматривалась.

Нетрудно заметить, что корреляционный метод, при всей его продуктивности и наглядности, не избавляет исследователей и от определенной доли субъективизма. Наборы вещей

наиболее поздних кластеров у них оказываются несколько различными, хотя некие общие тенденции все-таки улавливаются. Абсолютные же даты остаются достаточно условными.

Каковы же результаты тех исследователей, которые пытались определить верхнюю хронологическую границу черняховской культуры в контексте разработок общеевропейской хронологии? Мы не будем обсуждать сейчас все предлагавшиеся многочисленные варианты этой системы, остановимся лишь на тех, где авторы касались непосредственно черняховской культуры.

Позиции К.Годловского в этом отношении несколько раз менялись. В 1970 г. ему было ясно, что черняховская культура параллельна его ступени D, и на этом основании он даже склонялся к мысли о возможности более ранней даты ступени D (Godłowski 1970: 109. «The fact that the phase D material is parallel to the Czerniachow culture finds in Ukraine and Rumania may imply their relatively dating»).

С другой стороны, в ступень D им были включены такие комплексы как Зерники Вельки погр.12, Млотечно (Hammersdorf), Замость, а также погребения группы Винаржице в Раднотине с монетой Аркадия (395-408 гг.) и Мехолупы с новым солидом Константина III (407-411 гг.), что позволяло К.Годловскому, быть может несколько вольно, продолжить существование ступени D до середины V в. (Godłowski 1970: 109-110). А раз так, то нельзя исключить столь позднюю дату и для «параллельной» черняховской культуры, чем и воспользовался М.Б.Щукин (1979; 1980).

Начало ступени Годловский относил все же в 1970 г. ко второй половине IV в., оставив середину столетия для короткой фазы C_3 (Godłowski 1970: 111).

При внимательном чтении книги К.Годловского еще раз убеждаешься, что он мыслил все фазы хронологии (C_2 , C_3 , D и поздний период эпохи переселения) как перекрывающиеся друг друга, хотя выразил это, быть может, не совсем ясно (Godłowski 1970: 108-112).

Идея, брошенная вскользь в 1970 г., о возможности более раннего датирования начала ступени D была сформулирована К.Годловским в 1987 г. на конференции в Люблине. Ступени C_3 и D теперь представлялись ему параллельными во времени, но набор вещей первой характерен для западной части Центральной Европы и Скандинавии, а второй — для восточной части и, в частности, для черняховской культуры. Обе ступени начинаются в Константиновскую эпоху, разница между ними — вопрос, скорее, терминологический.

С точки зрения глобально-исторической автор был совершенно прав: именно в Константиновскую эпоху, по сути дела, кончается история Рима и начинается история Византии. Восточная Европа с последней связана значительно

теснее, а в Западной Европе «римские» традиции сохраняются дольше.

Текст люблинского доклада К.Годловского остался, к сожалению, неопубликованным и лишь частично был реализован автором в статье 1988 г. (Godłowski 1988). Для северной части «поэльбского круга» Годловский намечает 9 хронологических горизонтов, из которых шестой, или «горизонт *Bügelknopffibeln*», охватывает обе параллельные ступени C_3 и D «быть может, без самого конца» последней, сменяясь на Западе седьмым «горизонтом фибул типа Ныдам», синхронизирующимся со ступенью II, выделенной Вольфгангом Бёме для памятников междуручья Луары и Эльбы и датированной 380-420 гг. (Böhme 1974: 79-83). «Горизонт *Bügelknopffibeln*» по Годловскому относится к началу IV в. и продолжается до второй половины этого столетия (Godłowski 1988: 46-47).

Заметим попутно, что позднее Ян Бемман, занимаясь специально фибулами типа Ныдам и выделив 6 их вариантов, синхронизировал их не со ступенью II Вольфганга Бёме, а со ступенью I, датированной 330-360 гг. (Böhme 1974: 155-157), хотя сам Бемман в конечном итоге отнес Ныдамские фибулы к интервалу 350-400 гг. (Bemmann 1993: 173). Опять горизонты в абсолютных датах оказались перекрывающимися друг друга, а сами даты интуитивными.

В статье 1992 г., где сопоставлялись древности к югу от Карпат и Судет с горизонтами оружия пшеворской культуры, К.Годловский, очевидно, не без влияния работ Я.Тейрала, возвращается к идее общей ступени C_3 , которая начинается около 300 года и охватывает большую часть IV века. За начало ступени D_1 и раннего этапа эпохи переселения народов принимается дата 375 г., когда кончается черняховская культура и ее элементы появляются на Дунае. Это обосновывается как известными историческими событиями, так и монетами из Терекопатека и Валя Стрымба. Большие могильники Среднего Подунавья и пшеворской культуры продолжались, однако, по мнению Годловского, до 400 г. или чуть позже (Godłowski 1992: 50). Здесь К.Годловский, призывавший ранее к осторожности при использовании дат на историческом основании и интуиции (Godłowski 1970: 101 «...to draw conclusions as regards chronology on a basis like this is rather dangerous»), себе в какой-то мере изменяет.

Однако в том же 1992 году на коллоквиуме в Сан-Жермен-ан-Ле, в докладе, посвященном находкам из Якушевиц, он опять занимает осторожную позицию и отвергает «*Gemischten Argumentation... die ausserdem auf einer unsicherer Grundlage sich stütze*» (Godłowski 1995: 156), что заставляет его снизить обычно принимаемую дату Якушевиц от «эпохи Аттилы» (425-453 гг.) в предшествующий период (Godłowski 1995: 156), а в связи с этим снизить и всю устаревшую систему датировок, приведя ее в соответ-

ствии с последними разработками Я.Тейрала и Ф.Бирбрауера (Tejral 1988; Bierbrauer 1992). Годловский еще раз подчеркивает случаи, демонстрирующие достаточно глубокое перекрытие фаз, например, когда вещи стиля Унтерзибенбрун-Сёздаль встречаются в погребении 407 в Цецеле (Jaskanis 1996: Taf. LI, 407-2) и в погребении 26 могильника черняховской культуры в Привольном (Кухаренко 1955: 142, табл.IV,17). Это может свидетельствовать или о более ранней дате некоторых вещей горизонта Унтерзибенбрун-Сёздаль-Смолин, раньше эпохи Аттилы, или о переживании вельбаркских и черняховских комплексов, а соответственно и ступени D , значительно после 375 г. (Godłowski 1975: 156. «...es absolutchronologisch in die Zeit beträchtlich später als 375 datiert werden konnte»).

Опять всплывает на поверхность и вопрос о комплексах из Замости и Млотечно (Godłowski 1995: 163, Anm. 29), где вещи стиля, напоминающего изделия горизонта Унтерзибенбрун-Сёздаль-Смолин, сочетаются с селикками Констанция II чеканки 354 г. (Sulimirski 1966; Kropotkin 1970: 15-18), в первом случае, и с золотым медальоном 335 г. того же Констанция в бытность его цезарем — во втором (Bott 1982: 146).

Серия работ Ярослава Тейрала (Tejral 1986; 1987; 1988; 1992; 1992а) с разработками хронологии позднеимского времени и эпохи переселения народов не случайно произвела сильное впечатление на К.Годловского. Эрудиция чешского исследователя, широта охвата материалов, железная логика построений действительно впечатляют.

Я.Тейрал не составляет корреляционных таблиц, хотя, по сути, пользуется именно корреляционным методом и наблюдениями за комбинациями сочетаемости вещей в комплексах, ухитряется умозрительно выделять сравнительно узкие хронологические горизонты, соответствующие, очевидно, субкультуре каждого жизнеактивного поколения. В определении абсолютных дат каждой фазы он почти всегда добивается до тех монетных находок, на которых эти даты могут держаться. Однако при обозначении границ между фазами он более жесток и прямолинеен, чем К.Годловский.

В понимании Я.Тейрала, фаза C_3 имеет общеевропейский характер, датируется временем Константиновской династии и началом Валентиновской эпохи (Tejral 1992: 229), и именно с ней сопоставима основная масса позднего материала черняховской культуры. Ступень D , распадающаяся на D_1 и D_2 , по Я.Тейралу начинается с горизонта Виллафонтана-Качин-Замость-Унтерзибенбрун, который датируется «около 400 г.». «На этой стадии уже нельзя говорить о черняховской культуре в полном смысле слова» (Tejral 1986: 190).

После этого, по Я.Тейралу, начинается «постчерняховский горизонт» C_3/D_1 , представленный вещами новыми, но частично восходя-

щими типологически к черняховским. Горизонт этот выявляется и в Моравии с юго-восточной Словакией, и в пшеворской культуре (Tejral 1992: Abb.8-9), и в Венгрии (Tejral 1986: Abb. 9; Tejral 1992: Abb. 7), и в Крыму, и на Кавказе (Tejral 1986: Abb. 7). Это очень важное наблюдение, весьма существенное для понимания хода исторических процессов конца IV века. Готы и другие племена, расселяющиеся под давлением гуннов, разносят этот стиль.

И вообще, со всеми построениями чешского исследователя вполне можно было бы согласиться, но с одной оговоркой: постчерняховский горизонт представлен и в самой черняховской культуре. Убедиться в этом не трудно, достаточно сравнить даже бегло 5-ю, «журовскую», фазу черняховской культуры по Е.Л.Гороховскому или 6-ю фазу по И.А.Бажану и О.В.Гей, фазу D₂ М. Казанского и Р.Легу с материалами постчерняховского горизонта Я.Тейрала. Да и сам автор указывает на соответствующие находки черняховской культуры и даже склонен думать, что наиболее поздние комплексы с фасетированными стеклянными кубками типа Ранжевое-Гавриловка-Валя Сяка находятся уже «на пороге эпохи переселения» (Tejral 1992: Abb. 6. S.241).

И все же, по его мнению, «полная синхронизация поздней фазы черняховской культуры с переходным горизонтом между позднеримским временем и эпохой переселения невозможна, хотя некоторое перекрытие их и не исключается» (Tejral 1992: 241). Он считает, что данных все-таки слишком мало, чтобы говорить о продолжении черняховской культуры (Tejral 1986: 190). И их действительно значительно меньше, чем в предшествующей стадии расцвета, что и естественно, но они есть и мы вряд ли вправе сбрасывать их со счета. Это во-первых.

Во-вторых, как нам быть с противоречиями, уже отмеченными К. Годловским, с хронологическим расхождением стиля комплексов из Замости и Млотечно с найденными там монетами Констанция II (Godłowski 1995: 163), а также с такими, как Нырп и Ок в Скандинавии, с монетами Константа и Магненция? Признать первое появление вещей этого стиля еще в 50-60 годах IV века и соответственно значительное перекрытие фаз друг другом или списать всё лишь на запаздывание монет?

Аналогичная ситуация и с датировкой склепов Госпитальной улицы, занимающих важное место в хронологических расчетах и Я.Тейрала, и других исследователей.

В сознании большинства уже давно утвердился стереотип, что некрополь на Госпитальной улице в Керчи был заложен после гуннского нашествия 375 года, все вещи отсюда относятся или к концу IV — первой половине V века, или, как полагает в частности и Я.Тейрал, ко времени «около 400 года».

Хронология Боспорских склепов и страти-

графия совершенных здесь захоронений — тема особой работы, и мы не будем сейчас этим подробно заниматься. Отметим лишь, что, если подойти к проблеме более строго, то общепринятая датировка окажется не совсем точной. Здесь найдено целых три явно подарочных серебряных блюда императора Констанция II. Два из них изготовлены в Антиохии в 343 году в связи с двадцатилетием его цезарства, а третье, с изображением императора-триумфатора, было сделано, очевидно, по поводу победы Констанция II над узурпатором Магненцием и триумфального въезда императора в Рим в 357 году (Засецкая 1979: 30-32; Zaseckaya 1995; Засецкая 1993). По всей вероятности, владельцы этих чаш, унесшие их с собою в могилу, были каким-то образом с императором связаны и были так или иначе его современниками.

Трактовка чаши с изображением триумфа из так называемого склепа Гордиковых была предметом долгой дискуссии, пока не утвердилась достаточно весомо аргументированная точка зрения И.П.Засецкой о принадлежности Констанцию II. Но недавно дискуссия возобновилась, А.Н. Фролова вернулась к высказывавшемуся еще И. Стжиговским и Н. Покровским мнению, что здесь изображен Юстиниан I, а О.В.Шаров предложил видеть Константина (выступление на «Круглом столе» в Эрмитаже в июне 1997 г.). В горизонте находок из Боспорского некрополя, соответствующих склепу Гордиковых, нет вещей, относящихся к эпохе Юстиниана, к середине VI в., а вот некоторые переживающие вещи эпохи Константина сюда могли попасть. Портретное сходство Константина и Констанция, отца и сына, не всегда позволяет различать их изображения, и самый сильный аргумент О.В. Шарова состоит в следующем: над головой императора — нимб, а на щите оруженосца изображена монограмма Христа, но столкновение Констанция с Магненцием не носило религиозного характера, тогда как Константин разбил в 312 году Максенция на Мульвийском мосту, именно подняв христианские знамена и приказав воинам начертать имя Христа на щитах. Впрочем, вопрос остается открытым.

Кроме того, в склепах найдены монеты и их индикации: Лициния 308-324 гг., Констанция II 337-361 гг., Констанция Галла 324-354 гг., Валентиниана I 364-375 гг., и Валентиниана II 375-392 гг. Более ранние монеты Савромата II 174-211 гг., Гордиана II 238-244 гг. и Фофорса 286-308 гг., возможно, и не имеют датирующего значения, но последующие, как и датировки блюд, мы вряд ли вправе сбрасывать со счета, тем более, что и приводимые обычно в качестве обоснования ранней даты склепов в Керчи следы разрушений ряда городов и крепостей Тамани и Керченского полуострова во время гуннского нашествия 375 г., при ближайшем рассмотрении, оказались относящимися совсем к

другой эпохе и не имеющими прямого отношения к гуннам (Сазонов 1989). Нашествие гуннов затронуло Крым лишь стороной (Бажан, Щукин 1990; Shchukin, Vazhan 1994: 235).

Более поздних монет в Боспорских склепах нет, и верхняя хронологическая граница так называемой I группы (Засецкая 1990) может достаточно свободно «плавать» в пределах конца IV — первой половины V века.

Наипозднейшими находками этой группы считаются: пряжка со штампованным розеточным орнаментом из склепа 154 (Засецкая 1993: табл. 47, 223; Засецкая 1979: рис. 3,21), фибулы типа «Смолен» с пальметками на концах дужки (Засецкая 1993: табл. 53, 284; Засецкая 1979: рис. 2,23) из склепа 165 и фибулы-цикады из двух склепов, разрушенных 24 июня 1904 г. (Засецкая 1993: табл. 23, 92-93; Засецкая 1979: рис.2, 49-50).

Что касается пряжек, то аналогичные достаточно детально разобраны Ренатой Мадыда, показавшей, что они бытовали как во второй половине IV, так и в первой половине V века (Madyda-Legutko 1978). Заметим, что на том же костяке № 2 в склепе 154 найден золотой венок с индикацией монеты Валентиниана I 364-375 годов (Засецкая 1993: 96, 74).

Фибулы типа «Смолен» действительно являются хорошим индикатором ступени D_{2b}, 420/430 — 440/450 годов по Бирбрауеру (Bierbrauer 1992: Abb.5,1-2), но нижняя дата их появления надежно не зафиксирована, а фибулы-цикады, появившись еще во II веке (Wamers 1992: 53), существуют до времени Хильдерика, захороненного в 481-482 гг., хотя основное время их распространения падает, действительно, на первую половину V века (Wamers 1992).

Еще одним аргументом для поздней датировки Боспорских склепов служило сходство вещей отсюда со стилем Унтерзибенбрун, который было принято связывать с эпохой Аттилы 420-450 годов (Амброз 1971; 1985; 1992). Но монеты, сочетающиеся с вещами этого стиля, дают более ранний спектр, на что еще в 1973 г. указывал Я.Тейрал (Tejral 1973: 15-18). Самая ранняя и, возможно, действительно запаздывающая — совместная чеканка Констанса и Магненция 350-353 гг., прочие укладываются в интервал 378-423 гг., то есть еще до создания «Державы Аттилы».

В конечном итоге заключения всех исследователей, сопоставлявших горизонт Унтерзибенбрун с эпохой Аттилы, базировались на вполне логичной, но чисто умозрительной посылке, что создание Аттилой огромного грабительского государства, получившего громадные суммы золота от Империи, должно было породить роскошный стиль крупных вещей из благородных металлов, усыпанных драгоценными камнями (Амброз 1992: 58-59). Логично, но несколько противоречит объективным данным.

Остается предположить, что потребители

этих украшений подражали не столько моде двора гуннского правителя, который сам, кстати, демонстрировал пуританские вкусы (Prisc.fr.8), сколько ориентализирующей роскоши Константинопольского двора, подкупавшего своих федератов дорогими подарками в полихромном стиле типа вещей из кладов в Петросе и Шимлу-Сильваней.

Набор монет из памятников горизонта Унтерзибенбрун на западе в целом несколько более поздний, чем с Госпитальной улицы, но ни тут, ни там нет особых оснований говорить об эпохе Аттилы и середине V века, если только не принять безоговорочно тезис о безусловном запаздывании абсолютно всех монет.

Естественно, все монеты, прежде чем попасть в могилу, то или иное время находились в обращении, сколь долго, нам, к сожалению, знать не дано. Степень изношенности монет зависит не только от времени обращения, но и от его интенсивности. Они могут выглядеть потертыми и через несколько лет после чеканки, и через несколько десятилетий.

Но и большинство других вещей комплекса тоже какое-то время использовались. А если мы хотим делать исторические сопоставления, то нас должно интересовать не столько время совершения захоронений, сколько тот период, когда весь набор вещей был в употреблении, нас интересует «живая» культура, а не «мертвая», культура не мертвых, а живых. Она же, скорее всего, и соответствует приблизительно датам обращения монет, особенно, если находки их не единичны, а повторяются достаточно устойчиво.

Конечно, есть случаи, когда запаздывание монет очевидно. К таковым относятся, в частности, серебряные денарии II века, достаточно многочисленные в черняховской культуре (Щукин 1976: Рис.2) и во всем Барбарикуме. Преобладание монет Антонина Пия и Марка Аврелия бросается в глаза. По всей вероятности, это могло бы объясняться тем, что во время кризиса III века содержание серебра в монетах значительно снизилось, в Империи после реформы Диоклетиана перешли в основном на медно-золотое обращение, а варвары-федераты предпочитали получать свою стипендию в более удобном при расчетах полномесном серебре. Приходилось выплачивать ее в IV веке из запасов императорской казны, монетами, вышедшими из употребления в Империи, возможно, чеканить селиквы специально для расчетов с варварами и даже использовать куски серебра, разрезая серебряные сосуды, как, например, в кладе из Млотечно (Bott 1982).

Вернемся, однако, к главному нашему сюжету, к хронологическим трактовкам черняховской культуры. Фолькер Бирбрауер в серии статей, внося ряд уточнений и будучи несколько более гибким в хронологических определениях, чем Я.Тейрал, в основном все же следует жесткой позиции чешского исследователя

(Bierbrauer 1980; 1989; 1992; 1994 и др.). Черняховская культура, по его понятиям, тоже кончается к 80-м годам IV столетия, сменяясь горизонтом Виллафонтана, соответствующим фазе D₁ Тейрала. Горизонт Унтерзибенбрун, по

представлениям Бирбрауера, соответствует фазе D_{2a} и в дальнейшем развитии материальной культуры эпохи переселения каждому поколению находится своя фаза (Bierbraer 1992). Бирбрауер называет 8 черняховских комп-

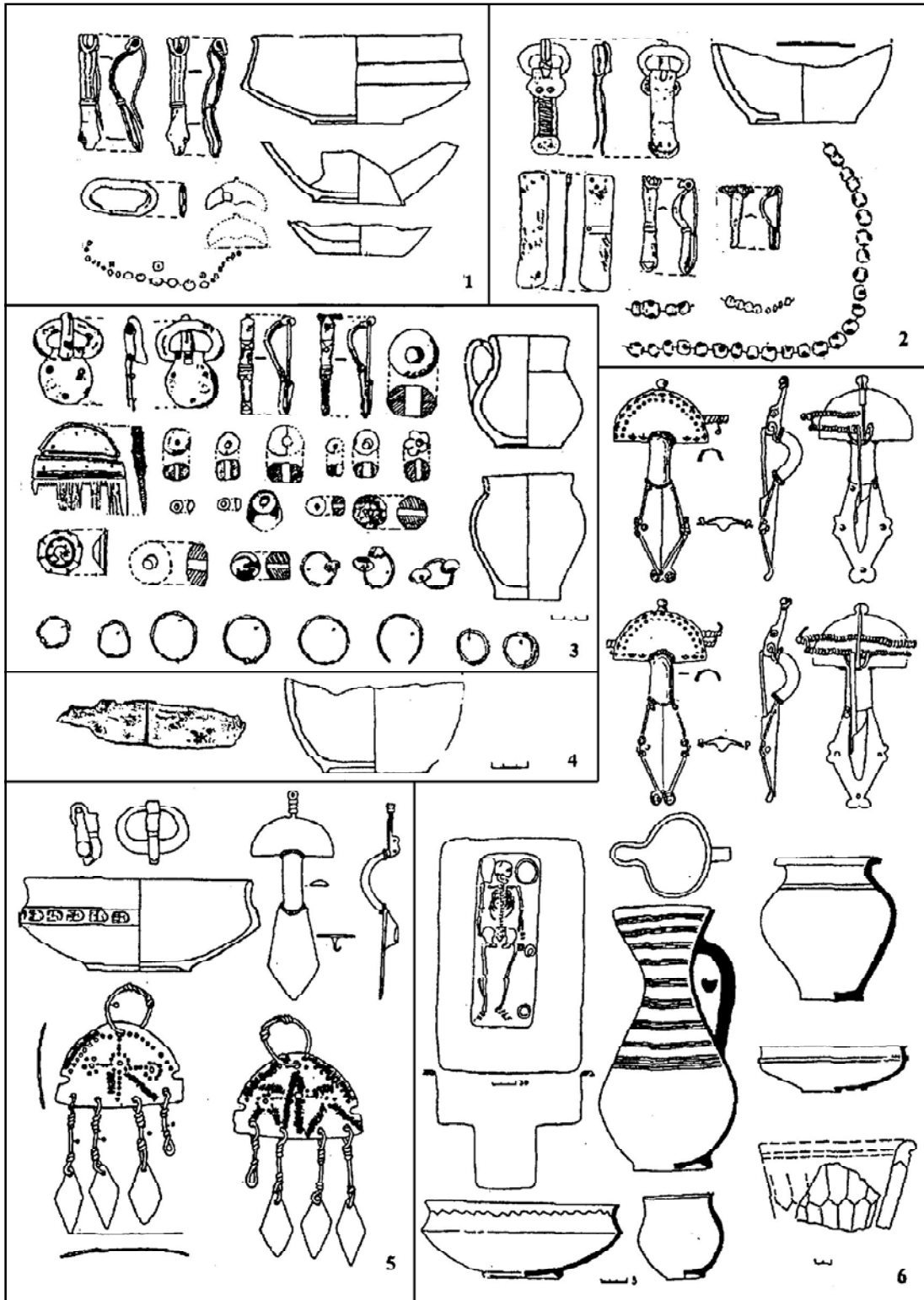

Рис. 1.

лексов, которые, по его мнению, переживают конец черняховской культуры и относятся ко времени около 400 года. Это упоминавшееся погребение 26 в Привольном, погребения 3 и 5 в Журовке, погребение 21 в Косаново, 9 и 131 в Беленьком, могильник Сад в Сумской области и погребение 28 могильника Лазо в Молдавии (Bierbrauer 1994: 118-119).

Заметим, что Е.Л.Гороховский для своей «Журовской фазы», очень близкой по всему набору горизонту Виллафонтана, называл, не претендуя на полный охват материала, порядка 40 комплексов, представленных по всему ареалу черняховской культуры (Гороховский 1988: 46).

Заметим также попутно, что некоторые вещи горизонта Виллафонтана, в частности, двупланичатые фибулы, оказываются не только в Италии, но и далеко на Востоке. Целая серия таких фибул и часто сочетающихся с ними на Западе пряжек, обнаружена в погребениях так называемой Джетыясарской культуры в Восточном Приаралье и низовьях Сыр-Дарьи вплоть до Байконура в Казахстане (Левина 1996: рис.140, 139, 121-125, 119). (Рис. 1).

Поскольку датировки комплексов Джетыясарской культуры довольно-таки «размыты» и шатки, трудно сказать, появились ли здесь эти вещи, безусловно западного происхождения, в результате обратного движения гуннов после Недао или при первых контактах гуннов с носителями черняховской культуры. Проникновение вещей в направлении, обратном движению населения, — явление довольно частое при миграциях. Определенным же хронологическим указателем для датировки фибул типа Виллафонтана может послужить малоизвестная находка бронзовых фибул, представляющих, правда, несколько специфический вариант, вместе с медной монетой-подвеской Аркадия (395-408 гг.) в одном из погребений некрополя Илурата в Крыму (Хршановский 1988).

Однако это лишь небольшое замечание на полях страницы, и мы вернемся к основной теме наших рассуждений.

Итак, и исследователи, занимавшиеся непосредственно хронологией черняховской культуры, и те, которые рассматривали эту культуру в общеевропейской системе, приходят к далеко не однозначным результатам. Если отбросить обоснования на исторической базе и интуиции, а опираться сугубо на данные археологии, то датировки границ между фазами весьма сильно «плавают» во времени, фазы значительно перекрывают друг друга. Возникает целый ряд трудно разрешимых противоречий. И это при том, что все исследователи практически используют одни и те же комплексы и находки. Значит, разногласия коренятся в подходах к материалу, проблема становится скорее методологической и теоретической, чем фактологической.

Что же такое любая хронологическая система? Её можно представить себе в виде некой сетки, вертикальные ячейки которой образованы фазами, ступенями локальных шкал относительной хронологии, отражающими, при корректно проведенном исследовании, субкультуру каждого поколения. Горизонтальные же ряды образованы теми же ячейками, синхронизированными по общим интеррегиональным вещам, их набору и стилю изготовления, по общей интеррегиональной, интернациональной моде.

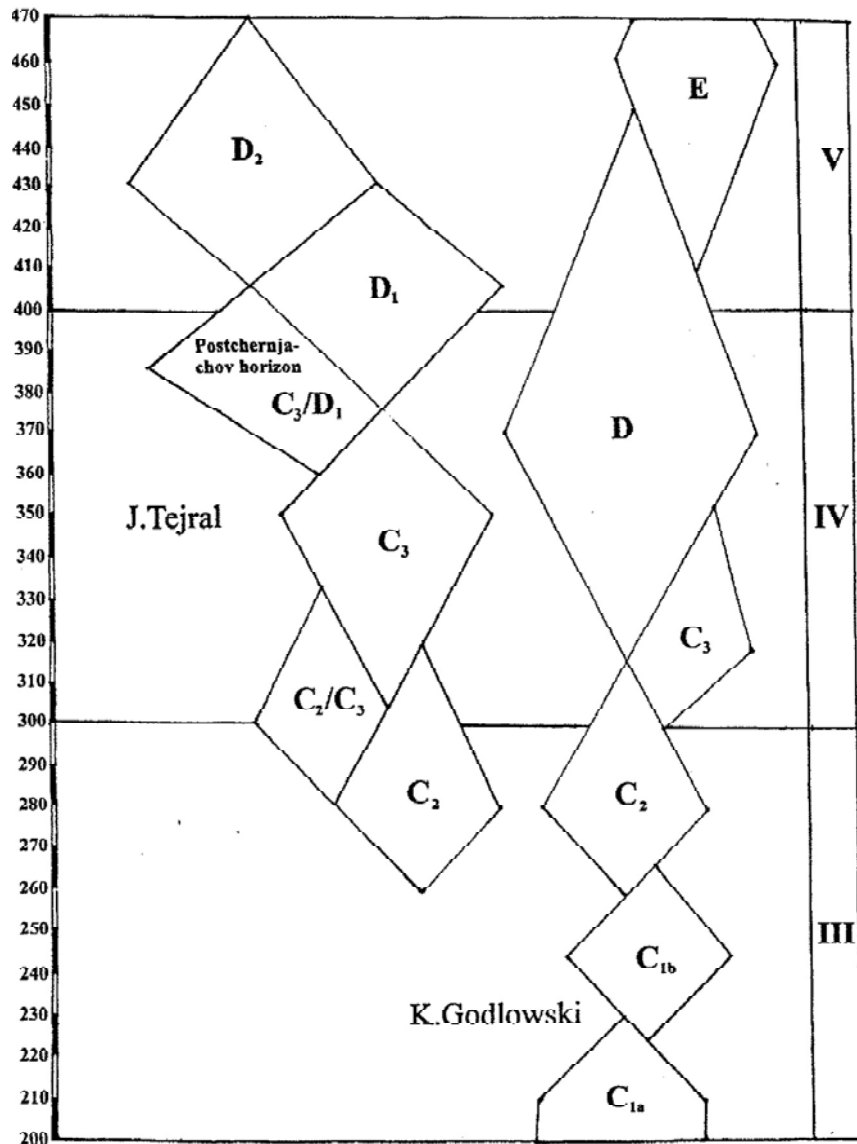
Но все это лишь относительная хронология, и лишь некоторые ячейки ее кое-где «зацеплены» за шаткие «колышки» абсолютной хронологии в виде t.p.q. монет, t.a.q. находок в слоях разрушенных городов, крепостей и тому подобное. При попытках закрепить нашу сетку относительной хронологии за эти «колышки» хронологии абсолютной мы и сталкиваемся с противоречиями, ячейки сетки начинают растягиваться, перекашиваться, деформироваться. Последовательные по относительной хронологии стадии оказываются подчас так глубоко перекрывающимися друг друга, что представляются параллельными или почти параллельными. Из возникающих противоречий, казалось бы, нет выхода.

Выход виделся в игнорировании монетных находок, как запаздывающих. Но тогда и монеты последующей фазы тоже запаздывающие, и такой подход чреват опасностью завышения всей хронологической системы. Монеты теряют датирующее значение вообще, и все датировки оказываются или основанными на исторических данных, или на интуиции и авторитете видных специалистов. Многократно повторяясь, эти датировки становятся общепринятым стереотипом, своего рода «научным фольклором». Возможно, они и верны, интуиция хорошего специалиста — вещь не последняя, но всегда хочется и каких-то археологических доказательств и обоснований, а в поисках их мы и наталкиваемся на противоречия вроде уже отмеченных.

Целый ряд противоречий, однако, может быть снят, если мы последуем за материалом, но представим наши фазы, ступени и горизонты — ячейки нашей сетки — не в виде квадратов и прямоугольников, а в форме ромбов, шестиугольников или более сложных фигур. Тогда они окажутся действительно перекрывающимися с соседними, верхними и нижними, и лишь в моменты максимального расширения будут приходиться на разные интервалы. Хронологические схемы Я.Тейрала и К.Годловского могли бы тогда при таком подходе приобрести следующий вид (Рис. 2).

И этот вид, кажется, мог бы в значительной мере соответствовать реальности. Ведь элементы каждой новой субкультуры, как правило, зарождаются еще в рамках предшествующей стадии, хотя не имеют там еще широкого рас-

Рис. 2.

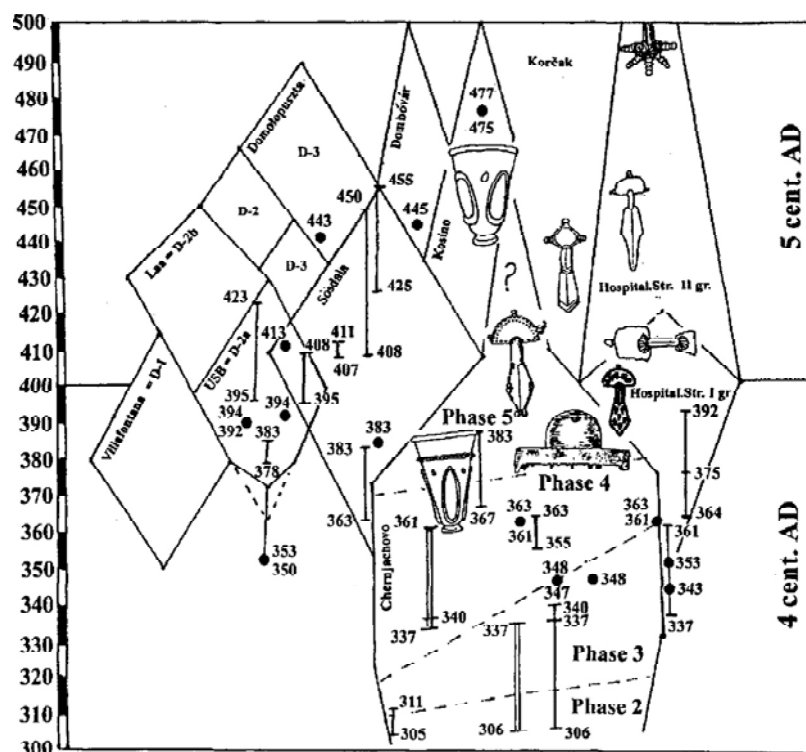
пространения, отражают лишь вкусы какой-нибудь одной социальной прослойки, группы и т.п. Затем они становятся ведущими в культуре жизне-неактивного поколения, а потом вытесняются новыми типами тоже постепенно. Как «размыты» границы между поколениями, так «размыты» и границы их субкультур. Корреляционные таблицы это тоже демонстрируют достаточно наглядно, границы между кластерами, как правило, тоже не очень четкие. Мы имеем дело с текучим процессом, так что перекрывание стадий друг другом — явление естественное. Такое мы можем наблюдать и сегодня в нашем повседневном опыте, нечто похожее, вероятно, происходило и в древности.

Нужно учесть и еще один момент — археологические даты по своей природе отличны от исторических. Последние — всегда некая точка во времени — год, месяц, день, час. А археологические неизбежно представлены неким интервалом времени. Совершение захоронения, ук-

рытие клада, разрушение крепости — события исторические и происходили они в течение нескольких часов, дня, а датируя их археологически, мы вынуждены говорить о столетии или какой-то его части, в лучшем случае о 20-30 годах, активной жизни одного поколения. На большую точность археология вряд ли способна. Где-то внутри выявляемого нами интервала и размещается интересующее нас событие с той или иной мерой вероятности.

Каждый археологический феномен (тип, комплекс, фаза, культура), таким образом, имеет по крайней мере две даты — узкую и широкую (Щукин 1967; 1978). Узкая дата охватывает время наибольшего распространения и расцвета, датировки в ее пределах наиболее вероятны, но и широкую (от самого начала зафиксированного зарождения явления до самых поздних его проявлений) тоже нельзя полностью сбросить со счета. С меньшей вероятностью, но событие могло происходить и в пределах этого интервала

Рис.3.

ла. Жесткой границы между узкой и широкой датировкой установить невозможно, мы имеем дело с текучими процессами, граница может быть обозначена лишь условно. Здесь таким условным пунктом могут быть и некоторые исторические события, возможно стимулировавшие процесс культурных изменений. Следует только помнить об условности этих точек, которые в случае накопления противоречий могут быть и изменены. Процесс познания бесконечен.

Если учесть все сказанное выше и отказаться от «квадратности мышления», то положение во времени черняховской культуры, а точнее, ее верхней, поздней части, поскольку о проблеме возникновения и сложения культуры мы говорили в другом месте (Щукин 1999), будет выглядеть следующим образом. (Рис. 3).

Расцвет культуры приходится, очевидно, на эпоху Константина — Констанция II — Юлиана, на эпоху Константиновской династии с 307 по 363 годы. Монеты этих императоров нередки как в собственно черняховских комплексах, так и в погребениях с вещами, аналогичными черняховским, в других регионах. Достаточно показательны и связанные с черняховским слоем клады из Ореева со 126 монетами Констанция II (Кропоткин 1961: 95), из Лукашевки с 43 монетами от Константа (337-350 гг) до Юлиана (361-363 гг.) (Кропоткин 1960) и из Холмского с 93 селиквами Констанция 351-355 годов чеканки. Последний был найден археологами при раскопках в углу одного из черняховских жилищ (Гудкова, Столярик 1985; Stoljarik 1992: 30-31).

Наипозднейшие монеты черняховской куль-

туры происходят из клада в Валя Стрымба — свежечеканенные ауреусы Грациана 367-387 годов (Horedt 1982: 161, Abb.61), и в этом отношении Я.Тейрал абсолютно прав (Tejral 1992: 235). Есть, правда, еще и бронзовая монета Гонория (395-423) из погребения 96 в Тыргшоре (Diaconu 1965, Pl. LXXXIX), но она найдена в заполнении могильной ямы, выше погребенного, но все же на глубине 60 см и связь ее с находящимся по соседству поселением, перекрывающим могильник (Harhoiu 1990), тоже не совсем ясна. Из-за неопределенности стратиграфического положения ее, может быть, не стоит использовать для датировки, хотя и она может оказаться показательной, если обнаружатся новые находки такого рода, забывать про нее тоже не стоит.

С эпохи Грациана (367-387) и начинается, по имеющимся на сегодня данным, постепенное «выклинивание» черняховской культуры, все дальнейшее находится уже в менее надежной части «широкой» датировки. На время Грациана, учитывая его цезарство при августе Валентиниане I, приходятся и два важнейших исторических события, которые могли бы способствовать и сокращению численности населения в Причерноморье, подорвать его благополучие, и вызвать определенные перемены в культуре. Во-первых, это карательные походы Валента 367 и 369 годов, последовавшее прекращение выплаты стипендии и ограничение торговли, а возможно и ответные акции Атанариха против христиан. Во-вторых, конечно, нашествие гуннов и уход части готов в Задунавье в 376 гг.

Какие же данные имеются в нашем распоряжении, чтобы утверждать возможность существования черняховских памятников в последней четверти четвертого и самом начале пятого века? Как археологически представлено то население, которое осталось в Причерноморье под властью гуннов, готы Витимира-Винитария, Видерика-Вандилария, Гуннимунда и Гезимунда?

Возникает определенное противоречие. С одной стороны, сведения Иордана достаточно однозначны: остготы, «отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования» (Iord. Get. 246). Войны Винитария с антами, готами Гезимунда и гуннами Баламбера тоже имели место где-то в Северном Причерноморье, а если допустить, что «Песнь о Хледе» отражает реальный исторический эпизод этой готско-гуннской войны, то события разворачивались между низовьями Днепра и Карпатами.

Но, с другой стороны, в черняховской культуре действительно практически почти нет вещей горизонта Унтерзибенбрунн, и вряд ли кто-нибудь может назвать хотя бы один черняховский могильник или поселение, время бытования которого ограничилось бы исключительно концом IV — началом V века. Где же готы Винитария?

Остается предположить, что черняховское население, поредев, конечно, действительно «осталось в той же стране» и продолжало использовать некоторые из прежних могильников и поселков, сохраняя прежние традиции, пользуясь вещами прежних типов и не очень сильно поддаваясь веяниям моды новой гуннской эпохи. Поэтому готов Германариха практически очень трудно отличить от готов Винитария.

Примечательно, что поздние фазы могильников Журовка, Гавриловка, Косаново и Данчены в корреляционных диаграммах И.А.Бажана, О.А.Гей и О.В.Шарова представлены достаточно плотными и выраженными кластерами (Бажан, Гей 1992: Рис. 5, 8, 12, 15-16, 19; Шаров 1992: табл. 2, 4). А это может трактоваться двояко: либо население каждой общины данного периода было достаточно многочисленным, либо кластер охватывает более длительный промежуток времени, не одно, а два-три поколения, на протяжении жизни которых не происходило существенных перемен в облике культуры. В нашем случае, возможно, применим именно второй вариант.

Как уже отмечалось выше, поздняя фаза черняховской культуры вполне сопоставима с «постчерняховским горизонтом» Я.Тейрала или с горизонтом Виллафонтана Ф.Бирбрауера. Последний датировал окончание этого горизонта первыми двумя десятилетиями V века. Если его расчеты верны, то эту дату можно было бы принять и за верхний предел черняховской куль-

туры. Получается, что те готы, которые не покинули Причерноморье с Фритигерном и Алавивом, с Алатеем и Сафраком в 376 г., ушли с остготами Радагайса, появившегося в Италии в 405 г., воевавшего со Стилихоном, с одной стороны, и с гуннами Ульдиса, с другой (Wolfram 1990: 95).

Но тогда остается загадкой, где готы Гуннимунда, сына Германариха, сменившего убитого Баламбером Винитария, правнучатого племянника Германариха, и готы сына Гуннимунда Торисмунда, воевавшего с гепидами, готы сорокалетнего периода безвластия и, наконец, готы Вандилария-Витимира и его трех сыновей — Валамира, Тудимира и Видимира? Домен последних, казалось бы, следует искать скорее где-то в Среднем Подунавье — младенец Витимир был увезен на запад еще Алатеем и Сафраком в 376 или 378 году, а сыновья его сражались за Атиллу на Каталаунских полях — но не исключено, что и территории бывшей державы Германариха, а это как раз ареал черняховской культуры, оставались, хотя бы частично, за наследниками великого конунга. Гунны ведь претендовали на власть, на дани, но не на угоды.

Что же касается земель где-то в низовьях Савы, в южной части Среднего Подунавья, то братья Амалы получили их лишь при разделе мира после Недао (Iord. Get. 264; 268). При Атилле это была часть той «санитарной зоны» в пять дней пути, установления которой он требовал от Византийского правительства. Возможно, опасаясь именно мести разбитых при Недао гуннов, вернувшихся в Причерноморье, остатки черняховского населения окончательно покинули свои земли и искали новых. Подробнее об этом пойдет речь в другом месте, но если наши рассуждения и наши догадки верны, то верхней условной датой черняховской культуры можно было считать 455 год.

Но это опять лишь дата на историческом основании. Имеются ли какие-нибудь реальные сугубо археологические данные, которые могли бы подтвердить этот тезис? Их немного, но они есть. Во-первых, существует серия вещей, верхние даты которых при использовании широких датировок могут достаточно свободно «плавать» вплоть до середины пятого века. Большая часть их достаточно обстоятельно собрана в работах Мишеля Казанского (Kazanski 1992; 1994), и нам нет необходимости повторяться. Можно сомневаться в черняховском характере некоторых из приводимых им комплексов, можно оспаривать некоторые даты, но в целом со сделанными им выводами трудно не согласиться.

Напомним еще раз и те 8 комплексов, про которые говорил Ф.Бирбрауер (Bierbrauer 1994: 118-119). Из них особенно показательны упоминавшееся уже несколько раз погребение 26 могильника Привольное и погребение 28 могильника Лазо (Левинский 1999: Рис. 26-28: 145-147,

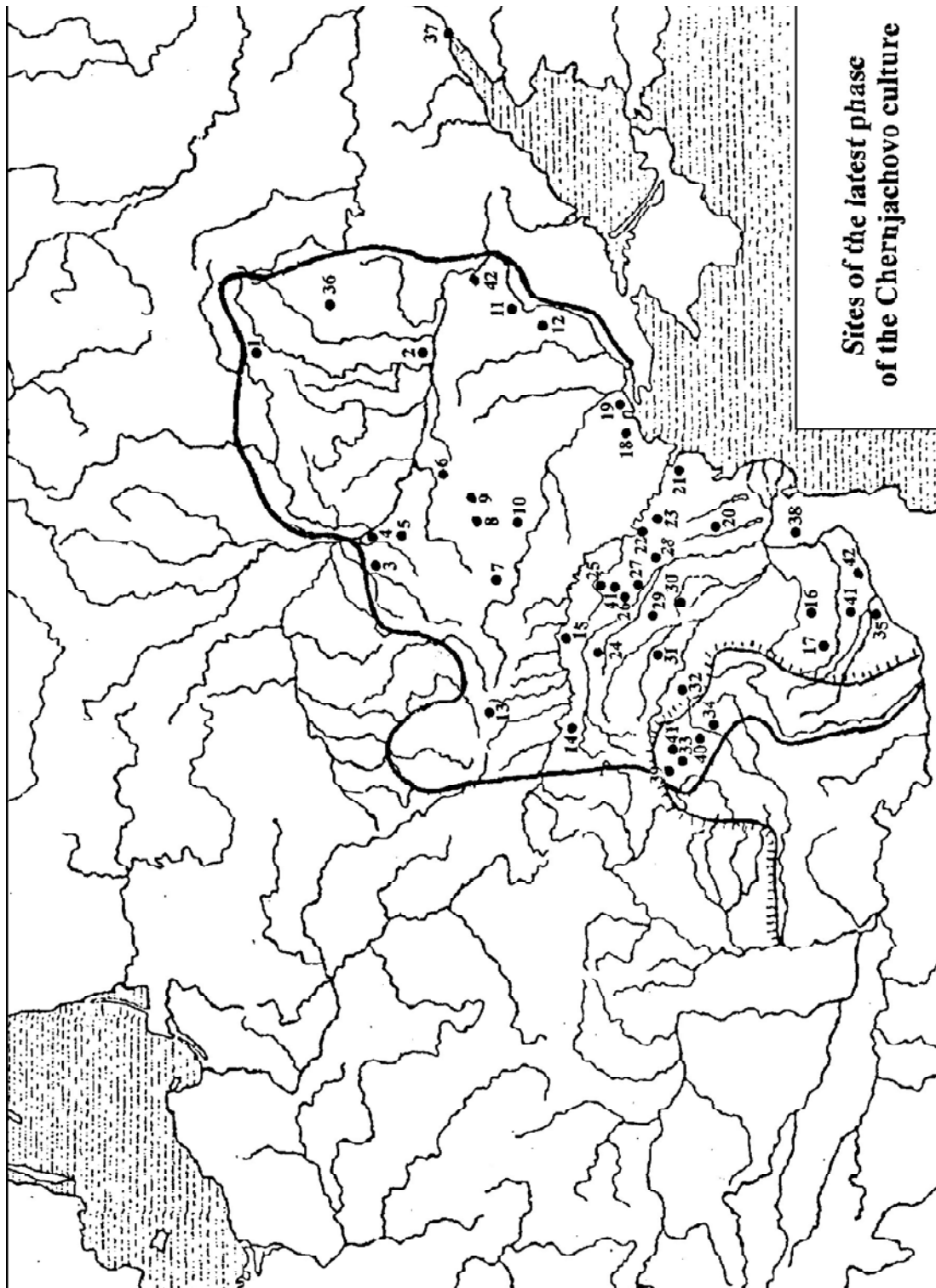

Рис. 4.

Рис. 26-28). Найденные в последнем двупластинчатые фибулы имеют своеобразные кнопки на концах максимального расширения ножки — деталь чрезвычайно характерная для фибул V века (Bierbrauer 1989a), хотя не исключено и более раннее их появление. В Vajuga на Балканах, как известно, фибула этой серии найдена с монетой цезаря Грациана 367-375 гг. (Bierbrauer 1989a: Abb.3).

Достаточно показателен и комплекс из погребения в Сычевке (Федоров, Рошаль 1979) с краснолаковой тарелкой, если только хронологические определения подобных Хайсом и А.В.Сазоновым точны. Такие тарелки относятся ими к V-VI векам.

Определенный интерес в данном контексте могут представлять и некоторые комплексы могильников Фонтанеле Рид и Палатка в Румынии (рис.1, 1-5) В одном из них — пряжка с удлиненной обоймой, в двух других — пряжки со своеобразным оформлением язычка: с утолщенной подтреугольной косо срезанной пяткой и кончиком, охватывающим дужку. Деталь тоже характерная для разнообразных пряжек V-VI вв. (Kazanski 1994: Fig.1:1,3,5; 2:6,12; 8:8; 10:4,16; 15:7,8; 16:3; 17:1,6,7,10,11,12,13,20). В погребении 1 1964 в Братей пряжка с аналогичным оформлением язычка найдена с монетой Валентиниана III, 425-455 гг.

Наконец, напомним еще один аргумент (Щукин 1979: 20; Щукин 1980). Это кубок толстого зеленоватого стекла с большими овалами по тулову из комплекса в Косино (Werner 1959). В черняховской культуре очень близкие формы происходят из Извоара (Vulpe 1957: fig.320), Индепенденцы (Mitrea, Preda 1966: fig. 134), Хучи (Рикман и др. 1971: Рис.7, 1), Малаешт (Федоров 1960: Рис.11) и Холмского (Гудкова, Фокеев 1984: Рис.21, 1). В принадлежности комплекса из Косино к ступени D₃ Бирбрауера около середины V века (Bierbrauer 1992: 270-274), как кажется, нет особых сомнений. И. Вернер дати-

ровал комплекс второй половиной V века по большой двупластинчатой фибуле типа Косино-Тиссалек и двум пряжкам с длинными ромбическими кербшнитными обкладками. Для привязки к абсолютной хронологии основанием служила находка обломка фибулы типа Косино в кладе из Радостово с солидами от Феодосия II (408-450 гг.) до Юлия Непота (474-475 гг.). Наличие упомянутых кубков и в черняховской культуре, и в Косино показывает, что дата их, а с ними и черняховской культуры, может «плавать» вплоть до времени Косино (Щукин 1979).

Еще одним сигналом к возможности переживания черняховской культуры в пределах V века может служить находка в одном из жилищ поселения Теремцы литой двупластинчатой фибулы с тремя кнопками на головке (Баран 1981: Рис.14), а так же взаимовстречаемость в некоторых жилищах раннеславянской культуры лепной керамики пражского типа с гончарной черняховской (Баран 1988). В этой ситуации, правда, не совсем понятно, следует ли на этом основании опускать даты славянских памятников или, наоборот, поднимать датировку черняховской культуры. Но если здесь нет стратиграфических неурядиц, и мы действительно имеем дело с закрытыми комплексами, то становится ясным, что население этих двух асинхронных культур соприкасалось. А это могло иметь место только где-то в пределах V века.

На этом аргументация в пользу поздней даты черняховской культуры, пожалуй, исчерпывается. Конечно, тот «шлейф» черняховских традиций, который, как видим, довольно слабо улавливается в V веке, не идет в количественном отношении ни в какое сравнение с черняховской культурой периода расцвета в середине IV века, что с исторической и культурологической точки зрения вполне объяснимо. Но «шлейф» этот существует, и мы не вправе сбрасывать его со счета при реконструкции исторической картины эпохи переселения.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. №1. С. 104-122.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. №2. С. 96-103; СА. №3. С. 106-134.
- Амброз А.К. 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984). // СА. №3.
- Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. // Боспорский сборник I. М. С. 6-108.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры. // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб. С. 122-152.
- Бажан И.А., Щукин М.Б. 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов. // АСГЭ. Вып. 30. С.83-97.
- Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.
- Баран В.Д. 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев.
- Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской обл. // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 78-85.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и ковчегники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев.
- Засецкая И.П. 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточно-европейских степей. // КСИА.

- Вып. 158.
- Засецкая И.П. 1990. Относительная хронология позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV — начало VII вв.) // АСГЭ. Вып. 30. С. 97-106.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь. С. 23-105.
- Кропоткин В.В. 1960. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. I. Киев.
- Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. // САИ. Вып. Г4-4. Москва.
- Кропоткин В.В. 1973. О датировке кувшина из Чистилковского могильника. // СА, 3.
- Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. // СА, XX.
- Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва.
- Левинский А. 1999. Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове. // Stratum Plus. СПб.-Кишинёв-Одесса. №4. С.121-166.
- Мошкова М.Г. 1989. Позднесарматская культура. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. (Археология СССР). Москва.
- Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. 1971. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев.
- Сазонов А.В. 1989. О хронологии Боспора раннеантичного времени. // СА, 4: 41-60.
- Федоров Г.Б. 1960. Малаештский могильник. // МИА № 82. Москва.
- Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1979. Погребение IV в. н.э. у с. Сычевка // СА. № 2. С. 265-271.
- Хршановский В.А. 1988. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Гос. Музей истории религии. Ленинград. С. 16-27.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб. С. 158-207.
- Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры. // КСИА. Вып. 112. С. 8-14.
- Щукин М.Б. 1976. О начальной дате черняховской культуры. // Prace Archeologiczne 22. S. 303-316.
- Щукин М.Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках. // Проблемы археологии. Вып. II. Ленинград. С. 17-22.
- Щукин М.Б. 1979. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. Вып. 158. С. 79 сл.
- Щукин М.Б. 1980. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян. // Rapports du III-e Congres International d'archéologie slave. Tome 2. Bratislava. S. 399-413.
- Щукин М.Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени. (К методике историко-археологических сопоставлений). // АСГЭ. Вып. 31.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в до н.э. — I в н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
- Щукин М.Б. 1999. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или Что такое черняховская культура? // Stratum Plus. СПб.-Кишинёв-Одесса. №4. С.66-101.
- Щукин М.Б., Щербак Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // И.А. Рафалович. Данчены: могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.
- Bermann J. 1993. Die Nydamfibeln. Eine Fibelform der Stufe C-3? // Germania 71, 1. Halbband. S. 139-182.
- Bierbrauer V. 1980. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffes des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa. // Die Völker an der mittleren und unteren Donau in fünften und sechsten Jahrhundert. Wien. S. 131-142.
- Bierbrauer V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. // Peregrinatio Gothica. Archaeologia Baltica. 8. Łódź. S. 39-106.
- Bierbrauer V. 1989a. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa. // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 72. S. 141-160.
- Bierbrauer V. 1992. Historische Aberlieferung und archäologischer Beifund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theodorich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie. // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Laténezeit bis Frühmittelalter. Kraków.
- Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten von 1-7 Jahrhundert. // Frühmittelalterlichen Studien. Nb. 28. S. 51-171.
- Böhme H.W. 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München.
- Bott H. 1982. Zur Datierung der Funde aus Hammersdorf (Ostpreussen). // Festschrift Hans-Jürgen Hundt zum 65. Geburtstag. Teil 3. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. 23.-24. Jahrgang. Mainz. S. 139-153.
- Diaconu Gh. 1965. Târgsor. Necropole din secolule III-IV e.n. București.
- Harchoiu R. 1990. Chronologische Fragen der Völkerwanderungszeit in Rumänien. // Dacia. T. XXXIV. S.169-208.
- Horedt K. 1982. Siebenbürgen in spätrömischer Zeit. Bucarest.
- Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
- Godłowski K. 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. // Scripta Archaeologica. Warszawa-Kraków. S. 27-49.
- Godłowski K. 1995. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitze» in Jakosowice in Südpolen. // La noblesse Romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle. Paris. P. 155-165.
- Jaskanis J. 1996. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Polen. Kraków.
- Ioniță I. 1986. Chronologie der Sîntana-de-Mureș-Cernjachov Kultur. // Archeologia Baltica. T. VII. Peregrinatio Gothica.
- Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades. // Archéologie Médiévale, 22: 193 sq.
- Kazanski M. 1994. Les plaqués-boucles méditerranéennes des V-e — VI-e siècles. // Archéologie Médiévale. Tome XXIV. P.137-198.
- Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations. // Archéologie Médiévale, 18. P. 7-53.
- Kropotkin V.V. 1970. Skarb srebrnych monet i przedmiotów z IV w.n.e. z Zamoscia. // Wiadomości

- numizmatyczne, 14. S. 15-18.
- Madyda-Legutko R. 1978. The Buckles with Imprint Ornamentation. // *Wiadomości archeologiczne*. T.XLIII. Z. 1. S. 3-17.
- Mitrea B., Preda K. 1960. Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia. București.
- Rau G. 1972. Körpergraber mit Glassbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel Raum. // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 3. S. 109-214.
- Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD. // *BAR, International Series 542*. Oxford.
- Shchukin M., Bazhan I. 1994. The cloisonné Style: Danubian, Bosphorian, Georgian or Sassanian? // *Acta Archaeologica*. Vol. 65. København. P. 233-248.
- Shchukin M., Sharov O. 1999. A propos de la date de la fin de la civilisation de Tcherniakhov // *L'Occident romain et l'Europe centrale au debut de l'époque des Grandes Migrations*. Brno.
- Stoljarik E. 1992. Essays on Monetary Circulation on the North-Western Black Sea Region in the Late Roman and Byzantine Periods. Odessa.
- Sulimirski T. 1966. Znależisko z Zamoscia i jego tło. // *Archeologia Polski*. T.9. S. 118-173.
- Tejral J. 1972. Mähren im 5. Jahrhundert. *Studie Arch. ústavu v Brne* I/3. Praha.
- Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. // *Peregrinatio Gothica*. *Archaeologica Baltica* 7. Łódź. S. 175-238.
- Tejral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. *Anz. Germ. Nathmus*. S. 17 folg.
- Tejral J. 1988. Zur Chronologie und Deutung der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum. // *Archaeologica Austriaca* 72. S. 223-304.
- Tejral J. 1992. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. // *Die Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken*. *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseum*. Nürnberg. S. 11-46.
- Tejral J. 1992a. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis Frühmittelalter*. Kraków. S. 227-249.
- Vulpe R. 1957. Izvoare. Săpăturile din 1938-1948. București.
- Wamers E. 1992. Bemerkungen zu zwei Zikadenfibeln aus westdeutschen Privatsammlungen. // *Frankfurter Beiträge zur Mittelalter-Archäologie II*. *Schriften des Frankfurter Museums für Vor- und Frühgeschichte*. XII.
- Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila Reiches. München. Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des 5. Jahrhunderts aus der Slowakei und Karpatenukraine. // *Slovenská archeologia*, VII-2.
- Wolfram H. 1990. Die Geschichte der Goten. München.
- Zaseckaya I. 1995. A propos du lieu de fabrication des plats en argile avec la représentation de l'empereur Constance II, découverts à Kertch. // *La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle*. Paris. P. 89-101.